

D $\frac{34}{577}$

Д. Н. АНУЧИНЪ.

САНИ, ЛАДЬЯ И КОНИ

КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 44-МЯ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.

Типографія и Словолитня О. О. Гербова.

18

2 $\frac{34}{577}$

90 $\frac{1-75}{18781}$

1
Д. Н. АНУЧИНЪ.

САНИ, ЛАДЬЯ И КОНИ

КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 44-МЯ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

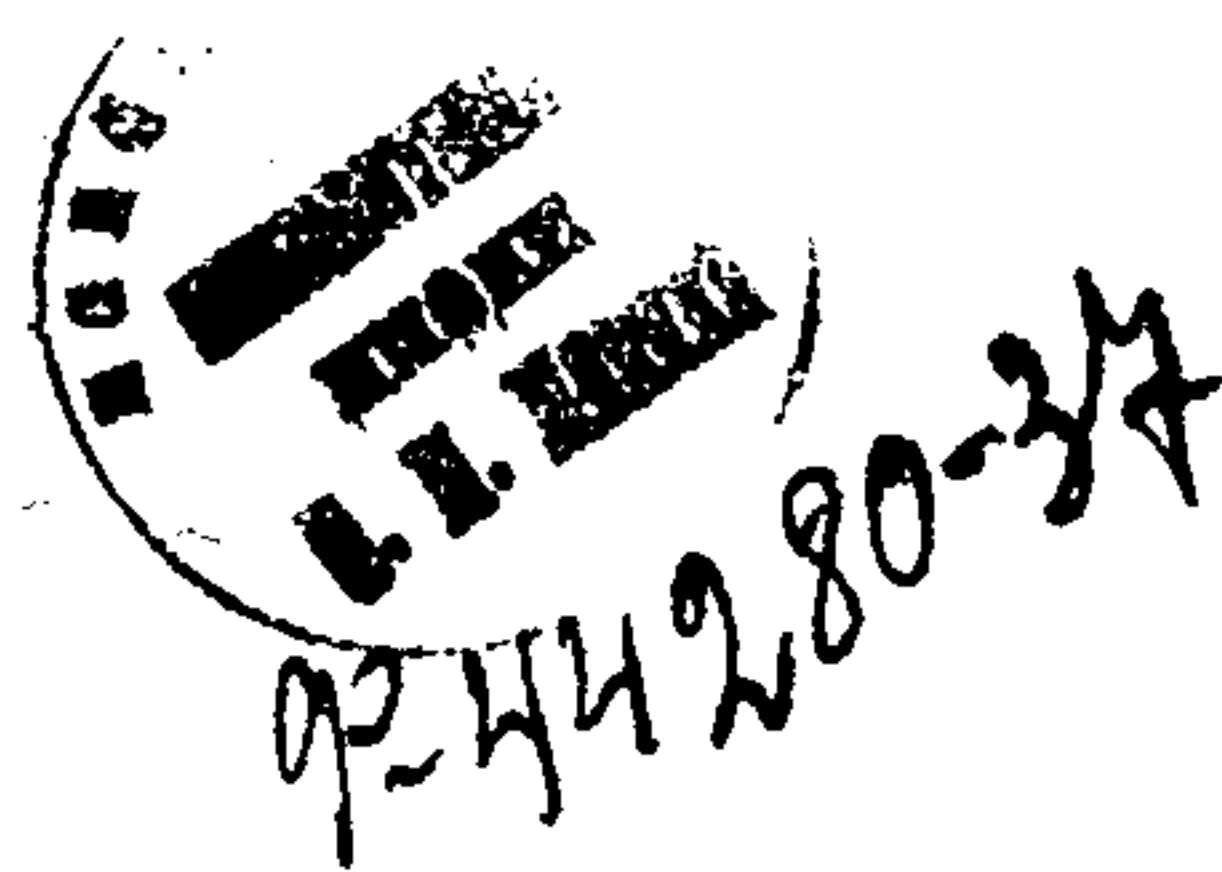
(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.

Типографія и Словолитня О. О. Гербекъ.

1890.

Печатано по распоряженію и опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.

САНИ, ЛАДЬЯ И КОНИ, КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

I.

САНИ.

Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ въ до-Петровской Руси.—Сани при погребеніи В. Кн. Владиміра въ іюлѣ мѣсяцѣ 1015 г.—Обычай «проиманія» помоста.—Толкованіе Котляревскаго.—«Потаеніе» тѣла Владиміра.—Выраженіе «спрятать тѣло».—Перевязываніе умершаго.—Позднее введеніе деревяннаго переноснаго гроба.—Обычай вынесенія умершаго не черезъ двери, а чрезъ проломъ въ стѣнѣ или крышѣ.—Широкое распространеніе этого обычая въ древнія времена и теперь.—Объясненіе этого обычая.—Употребленіе саней при погребеніи и перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба.—Миніатюры Сильвестровскаго списка Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ.—Сани при похоронахъ другихъ великихъ князей въ XI—XIII вѣкахъ, въ лѣтнюю половину года.—Одръ въ видѣ саней при погребеніи митрополита Петра.—Сани въ похоронной процессіи съ тѣломъ В. Кн. Василия Ивановича.—Употребленіе «выносныхъ» саней при царскихъ похоронахъ въ XVII вѣкѣ по даннымъ дворцовыхъ разрядовъ и другихъ записей.—Разъясненіе обычая пользованія санями при похоронахъ.—Мнѣніе Успенскаго и Котляревскаго и его несостоятельность.—Древнѣйшія русскія повозки на колесахъ.—Употребленіе саней при древнихъ царскихъ и частныхъ русскихъ свадьбахъ.—Сани при нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоніяхъ въ XVI—XVII вѣкахъ, въ лѣтнее время въ Москвѣ.—Сани, какъ царскій подарокъ лѣтомъ.—Сани, какъ парадный и обыденный экипажъ патріарховъ и митрополитовъ.—Вербныя сани въ недѣлю Вайи.—Состояніе въ прежнія времена дорогъ и улицъ.—Сани и колесные экипажи въ царскомъ и боярскомъ обиходѣ XVII вѣка.—Объясненіе употребленія саней при погребеніи, предложенное Труворовымъ, и его недостаточность.—Сани при похоронахъ у сѣверныхъ инородцевъ, у Приуральскихъ и Приволжскихъ Финновъ.—Перевезеніе покойника лѣтомъ на саняхъ—у Вотяковъ, Зырянъ, Черемисовъ и Чуваней.—То-же въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ западной Европы.—Слѣды того-же обычая въ русскихъ сказкахъ.—Погребальныя сани у древнихъ Египтянъ.—Молотилки въ видѣ саней—на Востокѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ южной Европѣ и въ Закавказьи.—Сани, какъ древнѣйшая повозка.—Первообразъ саней, волокуша, ея виды и ихъ распространеніе.—Этимологія слова «сани».—Преданія о болѣе позднемъ изобрѣтеніи повозки на колесахъ.—Два слова о генезисѣ телеги и колесъ.—Заключеніе.

Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ, не только зимою, но и лѣтомъ, было дѣломъ обычнымъ въ до-Петровской Руси, особенно въ княжескомъ и царскомъ обиходѣ, о которомъ до насъ дошло вообще гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о частной, народной жизни. Мы находимъ

✓ рядъ извѣстій объ этомъ обычаѣ, начиная съ XI и до XIII вѣка, имѣемъ указанія на существованіе его въ XIV—XVI вѣкахъ и располагаемъ особенно обстоятельными свѣдѣніями отъ XVII вѣка. Древнѣйшее свидѣтельство находится въ лѣтописи подъ 1015 годомъ. Рассказывая, подъ 15-мъ числомъ іюля, о кончинѣ великаго князя Владиміра, лѣтописецъ говоритъ: ✓ «Умре-же на Берестовѣмъ, и потаиша ѿ, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю клѣтми проймавши помость, обертѣвши въ коверъ и ужи съвѣсиша на землю; *възложъше ѿ на сани, везъше, поставиша ѿ въ святѣй Богородици*, юже бѣ сѣздалъ самъ. Се же увидѣвъше людье, безъ числа сидошася и плакашася по немъ». ¹⁾ Изъ этого извѣстія видно, что несмотря на средину лѣта (іюль мѣсяцъ) тѣло великаго князя везли на санихъ и, какъ будто, на санихъ-же поставили его въ церкви. Было высказано предположеніе, что слово «сани» разумѣлось въ древности не всегда въ современномъ его значеніи, что въ данномъ случаѣ подъ «саниями» слѣдуетъ разумѣть какую-то особую повозку на колесахъ,—мнѣніе раздѣлявшееся, между прочимъ, Успенскимъ (въ его «Опытѣ о русскихъ древностяхъ») и Котляревскимъ (въ его сочиненіи «О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ»). Далѣе мы разберемъ этотъ вопросъ, покуда-же замѣтимъ, что въ подкрѣпленіе такого мнѣнія не было представлено никакихъ убѣдительныхъ данныхъ.

Приведенный рассказъ лѣтописца заслуживаетъ вниманія еще и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, загадочнымъ представляется выраженіе: «потаиша ѿ» и тотъ фактъ, что вынось тѣла былъ сдѣланъ ночью и не черезъ двери, а чрезъ разобранный помость, послѣ чего однако тѣло было выставлено въ церкви, куда сошло множество народа. Котляревскій ²⁾ говоритъ по поводу приведеннаго извѣстія слѣдующее: «Лѣтописецъ наклоненъ объяснять этотъ поступокъ желаніемъ скрыть отъ Святополка смерть Владиміра, но не странно-ли, что вслѣдъ за тѣмъ тѣло умершаго князя выставляется въ церкви, къ нему приходятъ «людіе безъ числа», и похороны совершаются гласно и торжественно: объясненіе, очевидно, не идетъ къ происшествію. Мы имѣемъ основаніе видѣть здѣсь особый погребальный обычай, по которому усопшаго выносили не дверью, но разнимали помость и въ отверстіе спускали тѣло. Такой обычай сохранился и доселѣ у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ. Какъ бы ни объясняли точный смыслъ словъ лѣтописца, ³⁾ несомнѣннымъ останется, что тѣло Владиміра было вынесено не чрезъ дверь, а чрезъ проломъ. Подъ вліяніемъ христіанства языческій обычай сталъ глухимъ суевѣріемъ и въ такомъ видѣ встрѣчается въ началѣ XVII вѣка: по одному

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 56.

²⁾ Котляревскій, «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». М. 1868, стр. 124.

³⁾ Весьма вѣрное объясненіе, по словамъ Котляревскаго, сдѣлалъ Борисовъ: тѣло князя, по его мнѣнію, было спущено съ верхнихъ въ нижнія сѣни чрезъ проломанный помость. Далѣе мы увидимъ, что едва-ли это объясненіе вѣрно.

современному извѣстію, тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго чародѣемъ, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ) чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ проломъ. Въ современномъ быту, когда умирающій долго томится, то, чтобы помочь душѣ его выйти изъ тѣла, считаютъ нужнымъ приподнять въ потолокъ *матицу* (отсюда и народная примѣта— «матица трещить, кто нибудь умретъ»). Колдуны, по народнымъ разсказамъ, всегда долго томятся въ предсмертныхъ мукахъ; для облегченія кончины ихъ также приподнимаютъ потолочную матицу и тѣла такихъ людей выносятъ не въ дверь, а вытаскиваютъ вонъ *изъ окна*. При поваральной болѣзни, мертвецовъ иногда выносятъ *не дверью, а чрезъ окно*; у Мазуровъ, когда у кого умираютъ дѣти и хотятъ прекратить это, то тѣла ихъ выносятъ не въ дверь, а спускаютъ *чрезъ окно*. Эти ослабѣлые остатки древности даютъ намъ нѣкоторое право предполагать въ лѣтописномъ извѣстіи о смерти Владиміра не какую нибудь случайную черту, но особый погребальный обычай языческой старины. Смысль его теменъ: быть можетъ его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служить для прихода и ухода живыхъ; смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей». Но почему мертвецъ не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, которымъ выходятъ живые,—для разьясненія этого вопроса Котляревскій даже не сдѣлалъ попытки...

Къ приведенному толкованію Котляревскаго слѣдуетъ прибавить, что въ другихъ лѣтописяхъ «утаснѣ» смерти Владиміра приписывается приказанію Святополка: «Въ лѣто 6523 (1015) Володымеръ готовяшеся на Ярослава сына своего, не вѣдый, яко прійде конецъ живота его; не помозѣ бо вопадѣ въ болѣзнь велику. И въ то время прійде ему вѣсть, яко Печенѣзы идутъ на Русь; бяху же тогда при немъ два сыны его, Борисъ и Святополкъ. Володымеръ же боленъ сый, не могій самъ пойти противу Печенѣговъ, но посла противу имъ, со всею силою, Бориса сына своего, а Святополкъ оста въ Кіевѣ. Володымеръ же, день отъ дня изнемогая, преставися съ добрымъ исповѣданіемъ въ 15 день мѣсяца іюля, на Берестовомъ, княживъ лѣтъ 35, въ невѣрїи лѣтъ 8, а окрестившися 27 лѣтъ. Святополкъ же, хотя самъ сѣсти на великомъ княженіи кievскомъ по Володымеру отцу своему, повелѣ таити смерть его; и тоя ноци тай вземъ тѣло его и положи въ церкви Пресвятой Богородици. Но единаче людѣ всѣ увѣдаша, иже и собращаея всѣ отъ мала и до велика, и плакахуся по немъ, яко по отцѣ и заступнику. И положиша его честно, съ обычными пѣсньми, въ церкви Пресвятой Богородици, въ гробѣ мраморнѣмъ». Далѣе говорится, что «Святополкъ, по смерти отца своего, сѣде на великомъ княженіи кievскомъ и умысли таити еще смерть Володымера отца своего, дондеже бы могъ избити всю братію нечаянно, а самъ единовластецъ сотворитися въ Руси». ⁴⁾ Это объясненіе представ-

⁴⁾ Пол. Соб. рус. Лѣт. II, стр. 261.

ляется нѣсколько болѣе правдоподобнымъ, но и оно возбуждаетъ сомнѣнія, такъ какъ, очевидно, что если тѣло князя было погребено при многочисленномъ стеченіи народа, то кончина его не могла не сдѣлаться извѣстною, и вѣсть о ней легко могла дойти до братьевъ Святополка, какъ это дѣйствительно и случилось. Съ другой стороны, выраженіе «потанша ѿ» невольно вызываетъ сопоставленіе его съ выраженіемъ «спрятавше», встрѣчающимся позже весьма часто въ лѣтописи при описаніяхъ похоронъ. Такъ о похоронахъ Ярослава говорится: «Всеволодъ же спряталъ тѣло отца своего, везоша ѿ Києву,... принеши, положиша ѿ въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Софѣѣ»; о мнихѣ Исакиѣ: «и братья спрятавше тѣло его и погребоша ѿ»; о Ярополкѣ Изяславичѣ (1170 г.), что, узнавъ о его болѣзни, братъ его Мстиславъ «посла къ игумену Поликарпови и къ Данилови попови своему, веля има ѣхати къ брату Ярополку, река има тако; аще ва Богъ поиметъ брата моего, да спрятавше тѣло его везите же къ святому Феодору»; о Мстиславѣ Ростиславичѣ (1179): «и тако спрятавше тѣло его, съ честью и съ благохвальными пѣснями и съ кадилами благоуханными... и положиша тѣло его въ той же гробницѣ, идѣже лежитъ Володимеръ, сынъ великаго князя Ярослава Володимерича»; о Романѣ Ростиславичѣ (1180): «и спрятавше тѣло его епископъ Константинъ, игуmeni вси, съ благохвальными пѣснями и съ кандѣлы благоуханными, положиша тѣло его въ святѣй Богородици. И плакашася по немъ вси смолняне, паче же и сынове его плакахуся... и послѣднюю службу створше родителю своему, опрятавше тѣло его, вложиша въ гробъ» и т. п. ⁵⁾ Нельзя ли предположить, что выраженіе «потанша ѿ» могло употребляться иногда въ смыслѣ «спрятавше» и что слова «ѿ бо Святополкъ Києвѣ» были прибавлены уже впоследствии для объясненія утратившаго свой прежній смыслъ выраженія; этимъ могли-бы изъясняться различія въ истолкованіи цѣли и инициативы «потаненія», о которомъ притомъ въ другихъ источникахъ (лѣтописяхъ и житіяхъ) и совершенно умалчивается. ⁶⁾ Лингвисты доказываютъ однако, что слова «таити», «потанити» являются въ славянскихъ языкахъ со значеніемъ — «скрывать» или въ переносномъ отсюда (словенск. *tajiti* — *leugnep*), тогда какъ первоначальное значеніе *пратати* было «связывать».

Любопытно, что во всѣхъ только что приведенныхъ извѣстіяхъ нигдѣ не упоминается о выносѣ тѣла въ гробъ, и подъ гробомъ разумѣется могила или гробница въ церкви, иногда мраморная, иногда вмѣстившая уже въ себѣ ранѣе останки другого лица, такъ что подъ «спря-

⁵⁾ Полн. Соб. рус. Лѣт. I. стр. 70, 85, 88; II. стр. 10, 22, 29, 74, 91, 98, 102, 121, 123, 144 и друг. Интересно сопоставить также извѣстіе о Татарахъ путешественника XIII в. Плано Карпини, который говоритъ, что знатный татаринъ выносился изъ жилья и погребался всегда скрытно (*sepelitur occulto*) см. «Путешест. къ татарамъ» Спб. 1825. Плано Карпини, стр. 94—95.

⁶⁾ Въ словарь Даля: «спрятать, убрать, сохранить; скрыть, схоронить, *по(у)таить*. Спрятать, старин.—опрятать, обмыть, одѣть, убрать».

таніємъ» («опрятаніємъ») слѣдуетъ очевидно разумѣть въ этомъ случаѣ—обертываніе и увязываніе тѣла въ «коверъ», полстину, корзно (плащъ) и т. п., подобно тому, какъ это и говорится о князѣ Владимірѣ. Слово «коверъ» впрочемъ могло означать и не коверъ въ современномъ его смыслѣ, а просто толстую, тканую полсть, войлокъ или одѣяло ⁷⁾. Изъ описанія лѣтописца видно, что обернувши тѣло въ «коверъ», перевязывали его «ужами» (веревками), за свѣсившіеся концы которыхъ и брали, вѣроятно, трупъ при его переносѣ и опусканіи въ могилу. Выраженіе «спрятать» тѣло имѣло первоначально смыслъ по преимуществу увязыванія его ужами, веревками, въ извѣстную оболочку ⁸⁾.

Какъ извѣстно, перевязываніе умершихъ было весьма распространено, не только на Востокѣ, напримѣръ въ Египтѣ (гдѣ муміи обертывались широкими полотняными лентами, длина которыхъ доходила до сотенъ футовъ), въ Палестинѣ и т. д.; но и у многихъ другихъ, культурныхъ и первобытныхъ народовъ. Такъ многія индѣйскія племена Америки обертываютъ и теперь еще своихъ покойниковъ въ шерстяныя одѣяла, перевязываютъ ихъ веревками или ремнями и такъ несутъ или везутъ на мѣсто погребенія. Древнія перуанскія муміи (такъ же какъ и находимыя на сѣверо-западныхъ берегахъ Сѣверной Америки) всѣ приведены въ сидящее (съ подведенными къ туловищу ногами) положеніе, обернуты тканями и перевязаны веревками. Первобытные Австралійцы, именно тѣ племена ихъ, которыя практикуютъ погребеніе труповъ или выставленіе ихъ на особыхъ подмосткахъ, также обертываютъ умершаго въ шкуры опоссума и затѣмъ крѣпко его перевязываютъ. Сибирскіе инородцы-звѣроловы (Тунгусы и друг.) завертываютъ трупъ въ звѣриныя шкуры, связываютъ ремнями и въ такомъ видѣ ставятъ его на возвышенный помостъ или, какъ теперь

⁷⁾ Когда былъ убитъ Андрей Боголюбскій и тѣло его было выброшено на огородъ, то одинъ кіевлянинъ Кузмице, жалѣя о князѣ, просилъ убійцу, ключника Амбала, о прикрытіи трупа: «сверзи коверъ-ли что-ли, что постылати или чимъ прикрыти господина нашего», и Амбаль, сначала отказавшій въ томъ, наконецъ «сверже коверъ и корзно», и Кузмице «обертѣвъ ѱ и несе ѱ въ церковь, .. прикрывъ ѱ корзномъ». П. С. Р. Л. II, стр. 114—115.— Слово «коверъ» толкуется въ словарѣ Даля какъ «толстая тканая полсть, полстина; узорчатая, обычно шерстяная подкладка». *Ковѣра* въ Курской губ. употребляется въ значеніи одѣяла. — Впрочемъ и настоящіе ковры были довольно распространены у Норманновъ, которые вели ими значительную торговлю. (*Weingold, Altnordisches Leben*). Одѣваніе и положеніе покойника въ гробъ еще въ началѣ XVIII в. называлось официально «скутаніемъ и «окутываніемъ». См. «Матеріалы для исторіи Москвы», изд. подъ руковод. Забѣлина, I. стр. 1083.

⁸⁾ Слово *потапати*—въ церковно-славянскомъ языкѣ Миклошичъ переводитъ—*abscondere, celare*. *Сз—пратати* въ церковно-славянскихъ текстахъ, по Миклошичу, имѣетъ значенія: *contrahere, supprimere, sedare, componere ad sepulturam, deponere*. По мнѣнію Ф. О. Фортунатова, наиболѣе основное значеніе славянскаго *пратати* должно быть «связывать» или «стягивать». Въ письмѣ ко мнѣ по поводу исторіи значенія этого слова Ф. О. предлагаетъ, между прочимъ, сравнить значенія латинскаго *componere*: «складывать, соединять, связывать, составлять, сочинять, приводить въ порядокъ, оправлять, выставлать» (о тѣлѣ умершаго) и т. д., а также сравнить, напримѣръ, различныя значенія нашего «прибирать».

чаще, хоронятъ въ землѣ. Обыкновеніе класть покойника въ гробъ, — замѣчаетъ Котляревскій, — не было, кажется, непремѣннымъ обычаемъ славянскаго язычества; на это указываетъ и переносное значеніе слова «гробъ», собственно вырытое мѣсто, готск. *graban*, лит. *grabas*, могильная комната, потомъ переносно — ящикъ, въ которомъ хоронятъ мертвеца; въ первомъ значеніи слово часто встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ малорусскомъ. Въ смыслѣ погребальнаго ящика значеніе слова, несомнѣнно, не древнее; это подтверждается и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напримѣръ — Болгаръ, тѣло еще въ недавнее время опускалось прямо въ землю; равнымъ образомъ нѣтъ гробовъ (по Караджичу) и въ Черногоріи, но простыя доски, которыми обставляется тѣло покойника. «Такъ точно было и на Руси уже по принятіи христіанства; тѣло обертывалось въ лубъ, отчего гробъ вообще назывался *корстой* (мощи Никиты Переяславскаго были найдены «въ берестѣ»). Покойникъ, который сожигался, не имѣлъ нужды въ гробѣ, не имѣлъ въ томъ особой нужды и погребаемый; его, какъ свидѣлствуютъ Ибнъ-Доста, Массуди и множество могилъ, прямо могли полагать въ могильную комнату. Тѣмъ не менѣе, у языческихъ Славянъ были, кажется, въ употребленіи и особаго рода гробы въ видѣ пустыхъ выдолбленныхъ колодъ, въ которыя прятали мертвеца». ⁹⁾ Не касаясь вопроса о колодахъ, о которыхъ намъ придется говорить въ другомъ отдѣлѣ настоящей статьи, замѣтимъ, что переносный деревянный гробъ вошелъ, повидимому, въ употребленіе, сравнительно у немногихъ народовъ и лишь въ позднѣйшее время получилъ болѣе широкое распространеніе. Переноснаго гроба нѣтъ у Австралійцевъ, Папуасовъ, Индѣйцевъ, Негровъ и многихъ азіатскихъ народовъ; его не было у древнихъ Грековъ; у Римлянъ онъ вошелъ въ употребленіе, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, также сравнительно поздно; даже въ Германіи, еще въ прошломъ столѣтіи, мѣсто гроба занималъ нерѣдко пеньковый мѣшокъ или бѣлый оберточный холстъ. Въ городѣ Равенбургѣ, еще въ 1742 г. трупъ зашивался въ холстъ, относился на кладбище на общественныхъ носилкахъ, тамъ снимался съ нихъ и клался въ могилу. Въ Цюрихскомъ кантонѣ существовалъ такой же обычай: тѣло зашивалось до лица въ холстъ и переносилось на кладбище на скамѣ, безъ гроба, даже въ городѣ ¹⁰⁾. Въ Россіи многіе инородцы: Лопари, Самоѣды, Остяки, Черемисы, Чуваши, Вотяки, Татары, Киргизы — хоронили до недавняго времени своихъ покойниковъ безъ гроба, обкладывая только ихъ въ могилѣ берестой или досками, а нѣкоторые поступаютъ такъ еще и

⁹⁾ Котляревскій, I. с. стр. 218. Слово *керста* употребляется еще и теперь въ Архангельской губ. (Онежск. у.) въ смыслѣ могилы. «Ходила на керсту». См. «Опытъ областного великорусскаго словаря». Спб. 1852, стр. 82. У Вотяковъ гробъ называется *koros*; прежде Вотяки хоронили въ берестѣ. «Корстою» называлась иногда и мраморная гробница. Такъ, о тѣлѣ Влалимира сказано: «и вложиша ѿ въ *корѣсту* мраморяну».

¹⁰⁾ *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch B. 1867. I. S. 193.

теперь ¹¹⁾. Собственно у Русскихъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, деревянный переносный гробъ вошелъ въ употребленіе также, по видимому, поздно, и даже тѣло в. к. Василя Ивановича († 1534) было несено въ церковь на одрѣ и лишь по отпѣваніи опущено въ каменную гробницу ¹²⁾. Даже въ XVII в., когда гробъ сталъ составлять неизбѣжный атрибутъ похоронъ, онъ употреблялся иногда только какъ временный пріемникъ тѣла, для отнесенія его въ церковь, гдѣ, послѣ отпѣванія, тѣло снова вынималось и опускалось уже въ каменную гробницу, которая за тѣмъ закрывалась плитой и задыливалась. Такъ поступали именно съ тѣлами патріарховъ въ Москвѣ, причемъ относительно патріарха Іоасафа есть свѣдѣніе, что временный деревянный гробъ его царь Михаилъ Федоровичъ приказалъ поставить (послѣ погребенія тѣла) на соборную колокольню подъ большой колоколъ ¹³⁾.

¹¹⁾ По словамъ Миллера («Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ». Спб. 1791) — «Черемисы и Чувашы кладутъ умершихъ въ могилу между двумя досками и сверхъ оныхъ покрываютъ еще доскою»; «Вотяки погребаютъ умершихъ въ ихъ платьѣ, обвернувши бѣрестами». — Георги говоритъ объ отсутствіи гробовъ у Лопарей, Вотяковъ, Вогуловъ, Татаръ, Мордвы и др. Гробъ еще и нынѣ не употребляется у многихъ урало-алтайскихъ народностей, у Тунгузовъ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, у Черемисовъ Оренбур. губ., (*Черемшанскій*, Описаніе Оренб. губ. Уфа 1859, стр. 191) у Черемисовъ Красноуфимскаго у. Пермс. губ., у нѣкоторыхъ Вотяковъ и т. д. По словамъ Островскаго: «въ старину Вотяки хоронили покойниковъ, какъ и Татары, безъ гробовъ. Но такъ какъ крещенные подвергались за это преслѣдованію, то обыкновенно употреблялась хитрость: на кладбище приносили покойника въ гробу, но гробъ сколачивался такъ, что когда покойника опускали въ могилу, то доски распадалась сами собою, и мертвое тѣло опускалось въ одной одеждѣ; доски же ставились въ сторонѣ до слѣдующаго покойника. См. *Островскій*, Вотяки Казан. губ. Каз. 1874, стр. 40.

¹²⁾ Это видно изъ соотвѣтственной миниатюры, изображающей похоронное шествіе и приложенной къ рукописной «Царственной Книгѣ», въ Синодальной библіотекѣ.

¹³⁾ Въ выпискахъ изъ дѣлъ Патріаршаго Приказа, изд. въ «Матеріалахъ для исторіи, археологіи и статистики Москвы», собр. В. и Г. Холмогоровыми, подъ рук. И. Е. Забѣлина, находимъ, между прочимъ, слѣдующія свѣденія (въ расходныхъ книгахъ): 1) «Генваря 1 (1641 г.), соборныя церкви Успенія Пр. Богородицы, сторожамъ Сенькѣ Омельянову съ товарищи за гробъ дубовый, въ чемъ св. патріархъ (Іоасафъ) вынесенъ въ соборъ и изъ того гроба переложень въ каменный гробъ, имъ 2 руб.; а тотъ гробъ по государеву указу велѣно поставить въ колокольницу, подъ большой колоколъ. 2) «198 г. марта въ 17 день (1689 г.)... подъячему Тимофсею Васильеву, что онъ купилъ къ погребенію ковчегъ дубовый, сирѣчь гробъ, въ чемъ было положено тѣло святѣйшаго патріарха Іоакима и несено до каменнаго гроба его, и въ соборной церкви изъ того ковчега тѣло его переложено въ гробъ каменный, безъ деревяннаго ковчега, и за тотъ деревянный ковчегъ 2 руб.» Последній патріархъ, Адріанъ, былъ однако уже опущенъ въ могилу вмѣстѣ съ гробомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записка: 3) «1700 г. октября въ 15 день тѣло... св. Киръ-Адріана скутано и положено въ гробъ, а на окутаніе его св. патріарха тѣла въ гробъ выдано бархату зеленаго гладкаго одинакова 6 аршинъ; и тотъ бархатъ сшить въ два полотнища и постланъ во гробу сверхъ тафтянаго тюфяка, и положено въ томъ бархатѣ тѣло св. патріарха. Да на обивку одра и рукоятокъ, на которомъ въ церковь вынесено тѣло св. патріарха, выдано бархату чернаго гладкаго одинакова 13 арш. съ 1/4... И октября въ 17 день, въ четвертокъ

Относительно «приманія помоста» для выноса тѣла приведенное выше замѣчаніе Котляревскаго нуждается въ пополненіи. Обычай выношенія трупа не черезъ дверь, а чрезъ особое, нарочно продѣланное отверстіе, несомнѣнно, весьма древній и существовалъ не у однихъ только германскихъ и славянскихъ народовъ. Мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ различныхъ частяхъ свѣта и у многихъ первобытныхъ и варварскихъ племенъ. Обдорскіе Самоѣды, на примѣръ, не выносятъ трупа изъ чума чрезъ то отверстіе, въ которое входятъ живые, *а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на столько, чтобы можно было вытащить по толъ мертвеца*, кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ всѣ принадлежности мертвеца, которыя были необходимы ему при жизни... и въ такомъ видѣ уносятъ гробъ на кладбище» ¹⁴⁾. Архангельскіе Самоѣды— *«раздираютъ чумовое покрывало въ толъ лѣсть, противъ котораго лежитъ покойникъ и переламливаютъ шесты, на которыхъ оно держится, выносятъ въ это отверстіе покойника, одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ и завертываютъ въ оленью шкуру»* ¹⁵⁾. Подобнымъ же образомъ поступаютъ и Енисейскіе (Туруханскіе) Самоѣды, а равно и другіе инородцы того же края, — Остяки, Юраки, Тунгузы по описанію Третьякова ¹⁶⁾. «Когда въ семьѣ Самоѣда кто-либо умретъ, то картина отчаянія бываетъ, по истинѣ, самая печальная. Не довѣряя своимъ глазамъ, покойника, «бодырѣу», сначала трясутъ, приподнимаютъ и крикомъ стараются вызвать къ жизни: на всѣхъ лицахъ виднѣтъ ужасъ, и вскорѣ все жилище оглашается воплями. Наконецъ, умершаго обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду..., на глаза накладываютъ повязку съ двумя корольками (бусами) и, обернувъ тѣло оленьими шкурами, зашиваютъ въ холстъ или одѣяло. *Выносятъ покойника не въ дверь, а по направленію головы; въ моментъ его смерти для того въ толъ лѣсть разбираютъ чумъ*. Юраки, «прикрывъ сомкнутые глаза покойника лоскутомъ ровдуги (замши), на которомъ нашиты два королька, одѣваютъ его въ лучшее платье, по-

послѣ божественныя литургіи и по отпѣваніи во соборной церкви Успенія Пр. Богородицы св. патріархъ въ деревянномъ гробѣ и съ зеленымъ бархатомъ со всѣмъ опущенъ въ каменную гробницу; а со одра и съ гробовой покрывки черный бархатъ снять долой»... См. «Матеріалы», стр. 1055, 1063, 1083.—По словамъ Георги, у Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ «умершаго несутъ къ могилѣ во гробъ, головою впередъ, а въ могилу опускается безъ гроба». По Фуксу («Казанскіе Татары» Каз. 1844, стр. 73) «покойника кладутъ на лубокъ и на плечахъ выносятъ изъ дома... Во могилѣ дѣлается боковая ниша, въ которую тѣло, снявъ съ лубка, кладутъ на правый бокъ, лицомъ къ Меккѣ.

¹⁴⁾ Кушелевскій, Сѣверный Полюсъ и земля Ялмалъ. Спб. 1868, стр. 119. Обычай класть въ гробъ, повидимому, заимствованъ у Русскихъ. Другія племена Самоѣдовъ гроба не знаютъ.

¹⁵⁾ Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1847, стр. 135 и 136.

¹⁶⁾ Третьяковъ, Туруханскій край, его природа и жители. Спб. 1871, стр. 168, 177, 184, 189.

крываютъ оленьими шкурами и, увязавъ плетеными ремнями, выносятъ погали впередъ въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумъ». У Тунгузовъ, «какъ скоро кто померъ, чумъ немедленно съ одной стороны раскрывается и въ снятый пюкъ (верхняя крышка чума изъ оленьихъ шкуръ) зашиваютъ покойника въ томъ самомъ платѣ, въ которомъ онъ померъ, и кладутъ на лабазъ, устроенный между двухъ или трехъ деревьевъ въ сажень отъ земли; на этомъ помостѣ при покойникѣ кладутъ принадлежащія ему вещи... и затѣмъ трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба». У Енисейскихъ Остяковъ, «умершій выносится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумъ и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у Тунгузовъ». У Маньзовъ (Вогуловъ) «тѣло умершаго выносится не черезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ особое отверстіе, нарочно прорѣзанное, если покойникъ находится въ чуму»¹⁷⁾. Съ тѣмъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и въ Америкѣ, у Эскимосовъ и различныхъ племенъ Индѣйцевъ. Такъ, Оджибвеи и Алгонкинцы выносятъ своихъ покойниковъ не черезъ дверь, а чрезъ нарочно проломанное отверстіе въ стѣну (или крышу) вигвама¹⁸⁾. У нѣкоторыхъ племенъ Эскимосовъ, когда больной находится при смерти, строятъ наскоро шалашъ, снабжаютъ его ночникомъ, провизіей и другими необходимыми предметами и переносятъ въ него умирающаго, но не черезъ дверь, а чрезъ проломъ въ стѣну, и оставляютъ его тамъ умирать одного¹⁹⁾. У другихъ племенъ Эскимосовъ (въ Гренландіи), по словамъ Кранца, умершій вытаскивался изъ зимняго жилища чрезъ окно, а изъ лѣтняго чума чрезъ разборъ его крыши. За покойникомъ шла старуха, махая зажженной лучиной и крича — «пиклеррукпокъ», что значитъ «здѣсь для тебя ничего нѣтъ»²⁰⁾. О похоронахъ одного вождя Индѣйцевъ-Тлинкитовъ (въ бывшей Русской Америкѣ), практикующихъ еще и теперь сожженіе труповъ, корреспондентъ газеты «New-York Herald» сообщалъ недавно слѣдующее²¹⁾. «Трупъ былъ разукрашенъ по праздничному и помѣщенъ въ сидячемъ положеніи у середины задней стѣны его дома. На головѣ его была деревянная шляпа съ вырѣзанными на ней изображеніями вороновъ, лицо его было раскрашено, вокругъ тѣла обернуто шерстяное одѣяло, украшенное пуговицами. На колѣняхъ трупа были положены два красивыхъ коврика индѣйской работы, а на нихъ пачка рекомендательныхъ писемъ, присланныхъ покойному въ разное время мѣстнымъ начальникомъ и другими болѣе

17) Рукописное свѣдѣніе, полученное мною отъ Н. Л. Гондатти; у Лопарей въ прежнее время также практиковался обычай — выносить покойника чрезъ отверстіе, проделанное въ стѣнѣ напротивъ двери.

18) Waitz, Anthropologie der Naturvölker. III. S. 199. Вайцъ почему-то считаетъ этотъ обычай «вѣроятно новымъ» (wahrscheinlich neue), повидимому, безъ достаточныхъ основаній. Извѣстно, что онъ существовалъ ужъ у древнихъ Караибовъ.

19) Wood, the Natural History of Man. II. L. 1870, p. 719.

20) Crantz, Beschreibung von Grönland. I, S. 300.

21) «New-York Herald» 1881, 16 Апрѣля; см. Krause, Die Tlinkit Indianer. Jena. 1885. S. 225.

важными бѣлыми, и кинжалъ въ ножнахъ, украшенныхъ рѣзьбою. По одну сторону отъ покойника были выставлены его сокровища, состоявшія большей частью изъ шерстяныхъ одѣялъ и ковровъ; по другую сторону, завернувшись въ одѣяло, сидѣла его жена; она не могла говорить ни съ кѣмъ въ теченіе восьми дней послѣ смерти мужа. Передъ сожженіемъ трупа *была разобрана часть задней стѣны дома и трупъ былъ вынесенъ чрезъ образованное такимъ образомъ отверстіе*, въ сопровожденіи живой собаки, которая, по понятіямъ Индѣйцевъ, должна унести съ собою всякій слѣдъ болѣзни, производщей смерть». Трупъ былъ положенъ на костеръ изъ кедровыхъ полѣнцевъ, устроенный въ видѣ квадратнаго сруба, внутрь котораго и опустили покойника на шерстяной коверъ, а сверху покрыли другими полѣньями. Во время горѣнія костра десять Индѣйцевъ колотили въ тактъ палками по доскѣ; родственники сидѣли въ это время на корточкахъ, обратившись къ огню спиною. Сожженіе сопровождалось раздачей подарковъ, а пепелъ былъ собранъ въ одѣяло и положенъ въ небольшой деревянный ящичекъ.—Наконецъ, то же обыкновеніе выносить покойника не обычнымъ ходомъ, а чрезъ особое отверстіе, было констатировано и въ Африкѣ,— у Готтентотовъ, Бушменовъ, Бечуановъ, Кимбунда и другихъ негритявскихъ племенъ (при чемъ въ области р. Конго былъ подмѣченъ обычай, что трупъ выбрасывался чрезъ отверстіе въ крышѣ), а равно существуетъ и въ Полинезій, напр. на островахъ Фиджи²²⁾, также въ Индіи, въ странѣ Лаосъ, на островѣ Бали, у Сіамцевъ (которые, кромѣ того, трижды обносятъ бѣгомъ покойника вокругъ жилища), а ранѣе — въ Тибетѣ и въ Китаѣ. По словамъ путешественника XIII в. Марко Поло, въ странѣ Тангутъ (Тибетѣ, гдѣ господствовали уже буддизмъ) существовали замѣчательные похоронные обряды, предшествовавшіе сожженію трупа. Между прочимъ, говоритъ Марко Поло, «иногда звѣздочеты объявляютъ роднымъ, что тѣло нельзя выносить изъ дома черезъ главную дверь... и что должно выносить его съ другой стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже заставляютъ родныхъ *проламывать стѣну* прямо противъ благопріятной и благодѣтельной планеты и выносить покойника черезъ это отверстіе, представляя имъ, что если не сдѣлаютъ такъ, духъ покойника разсердится на свою семью и станетъ дѣлать ей зло». Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ древнимъ обычаемъ, нѣсколько видоизмѣнившимся подъ вліяніемъ буддизма. Относительно Китая извѣстно изъ свѣдѣній, собранныхъ въ прошломъ столѣтіи іезуитами, что ранѣе, для выноса богдыхановъ и ихъ женъ открывались во дворцѣ новыя двери, но что одинъ богдыханъ измѣнилъ потомъ этотъ обычай, который сохранился еще въ болѣе отдаленныхъ провинціяхъ. Въ настоящее

²²⁾ Относительно Готтентотовъ см. *Bastian Der Mensch in der Geschichte* I. 1869. II. S. 322—323; о другихъ африканскихъ народахъ — *Тайлоръ*, Первоб. Культура II, 104. У негровъ Бамбарра, по словамъ Раффенеля, тѣло короля, хотя выносится изъ дворца и черезъ двери, но двери эти послѣ того закладываются камнемъ, см. *Waitz, Antropologie* II, 199. О племенахъ Конго; см. *J. Liebrecht, Zur Volkskunde*. 1879. S. 372.

время у Китайцевъ практикуется обрядъ — пробивать отверстіе въ крышѣ, при отходѣ умирающаго, для облегченія выхода изъ дома его души ²³⁾.

Въ Европѣ обычай вынесенія покойника чрезъ проломъ существовалъ у древнихъ Скандинавовъ, у которыхъ, по Вейнгольду, «умершаго нельзя было выносить въ двери, чрезъ которыя входили и выходили живущіе; для этого требовался проломъ стѣны, приходившейся за головой покойника, или же прорытіе отверстія подъ южной стѣной, чрезъ которое и вытаскивался трупъ. Повидимому, замѣчаетъ Вейнгольдъ, — это былъ обычай, общій для всѣхъ Германцевъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ Верхней и Нижней Германіи, въ примѣненіи къ трупамъ преступниковъ и самоубійцъ, которые вытаскиваются чрезъ проломъ въ стѣнѣ или чрезъ дыру подъ порогомъ. Но теперь такой обычай служитъ позоромъ и примѣняется лишь къ трупамъ, считаемымъ нечистыми; въ древнія же времена, когда всякій умершій возбуждалъ страхъ; одинъ и тотъ же обычай прилагался ко всѣмъ» ²⁴⁾. Къ даннымъ Вейнгольда слѣдуетъ прибавить собранныя Рогхольцемъ, изъ которыхъ видно, что кромѣ преступниковъ и самоубійцъ, необычнымъ путемъ вытаскивались также изъ жилья трупы еретиковъ, ростовщиковъ, вообще лицъ возбуждившихъ ненависть и презрѣніе. Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда на островахъ Швеціи свирѣпствовала чума, народъ разбивалъ окна въ домахъ умершихъ, разбиралъ простѣнки и вытаскивалъ трупы баграми чрезъ образованныя такимъ образомъ отверстія. Съ возведеніемъ болѣе прочныхъ построекъ изъ камня, продѣлываніе отверстія стало однако трудно выполнимымъ и его стали замѣнять вытаскиваніемъ чрезъ окно или чрезъ особыя двери. По словамъ де-Губернатиса, въ нѣкоторыхъ городахъ средней Италіи, напр. въ Перуджіи и Ассизи, (такъ же какъ въ одномъ селеніи близъ Амстердама) можно видѣть еще и теперь почти въ каждомъ домѣ особыя выходы и двери для выноса умершихъ ²⁵⁾. — Въ виду всего изложеннаго, «проиманіе помоста» для выноса тѣла

²³⁾ *Taylor*, Первоб. Культура, II, стр. 103; *Frazer*, On Certain Burial Customs., въ «Journal of the Anthr. Institute». XV, 1. 1885, p. 70; *Bastian*, Beiträge zur vergl. Psychologie. Die Seele. S. 15; *Марко Поло*, рус. пер. Шемякина, стр. 145—146. Въ Лаосѣ такъ поступали только съ тѣлами беременныхъ женщинъ.

²⁴⁾ *Weinhold*, Altnordisches Leben. B. 1856. S. 476.

²⁵⁾ *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch. B. 1867. II, S. 171. ff. Съ приведеннымъ обычаемъ слѣдуетъ сопоставить еще слѣдующіе. Въ Люцернѣ капуцины выгоняли духовъ изъ дома тѣмъ, что протыкали палку подъ порогъ и тѣмъ давали имъ выходъ. У Монголовъ, по Плано Карпини, считалось грѣхомъ, если кто возьметъ въ ротъ кусокъ и, не будучи въ состояніи его проглотить, выброситъ вонъ; такого вытаскивали чрезъ отверстіе подъ ставкою и убивали безъ милосердія» (... si alicui morsus imponitur, et deglutire non potest et de ore suo eijcit eum, fit foramen sub statione, et extrahunt per illud foramen et sine ulla misericordia occiditur». См. «Путеш. къ Татарамъ», изд. Языкова 1825, стр. 90—91. У Римлянъ былъ обычай, что если кто возвращался изъ путешествія, признанный, вслѣдствіе невѣрныхъ слуховъ, уже умершимъ, то онъ долженъ былъ входить въ домъ не чрезъ двери, а чрезъ отверстіе въ крышѣ (per impluvium; *Plutarch*. Quaest. Rom. V; impluvium или compluvium открывался въ atrium, а atrium первоначально былъ и столовой и кухней вмѣстѣ, такъ,